

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ И ЗАКОН В ГОСУДАРСТВЕ РОССИЙСКОМ

Автор: Л. Е. ЛАПТЕВА

(СПОР С НЕОЕВРАЗИЙСТВОМ)

2007 год - год 90-летия Октябрьской революции и 15-летия старта либерально-демократических реформ в суверенной России. Есть повод поговорить об исторических путях России, о влиянии этих событий на правовое положение индивида в нашей стране. Они существенным образом меняли не только конкретный набор признаваемых и даже отчасти гарантируемых государством субъективных прав и обязанностей, но и провоцировали потребность в осмыслении самого понятия права, то есть влияли на общественное правосознание, как обыденное, так и профессиональное.

Правосознание любого народа базируется на его историческом опыте. Это отчасти оправдывает отечественных классиков, утверждавших, что "атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия" [Горький, 2007, с. 20]. Однако следует ли из этого, что подобное убеждение становится неотъемлемой частью национального характера, не может и не должно быть преодолено ни при каких условиях? Думается, опыт реформ и модернизаций, проходивших в течение двух последних столетий в России, свидетельствует, что наш народ все же осознает: бесправие ведет страну в тупик. И люди мучительно ищут свой путь к праву. Другое дело, что путь этот горек и тернист.

Российскую империю долгое время именовали "тюрьмой народов", но по крайней мере, со времен Екатерины II в стране уже пытались сочетать общие интересы с индивидуальными, признавая минимальный объем прав подданного, который не может нарушаться по произволу государя. Настоящий, можно сказать, революционный, прорыв произошел в 1861 г. Крестьянскую реформу критиковали за противоречивость, но главное было сделано: бывшим крепостным крестьянам даровали свободу и практически все права натуральных российских подданных. Важнейшим исключением стало ограничение свободы передвижения. Трудности привыкания крестьян к заданному формату свободы связаны были с необходимостью смириться с тем, что право собственности на землю, которую еще вчера они обрабатывали и с которой кормились, принадлежит помещикам. Общинное землевладение не давало ощутить себя собственниками даже получаемой крестьянами за выкуп надельной земли и не позволяло сформировать стойкое представление о том, что право на свою землю предполагает *обязанность* признавать и уважать такие же права других собственников. Сознание крестьян было обременено и

Л а п т е в а Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

вековой привычкой к государственному и помещичьему патернализму. Вот почему при всем либерализме Крестьянской и последующих реформ начинания Александра II не создали в России критической массы среднеобеспеченных крестьян, не способствовали быстрым изменениям правосознания. Крестьяне не то, чтобы *не хотели*, а *не умели* и поэтому боялись воспользоваться новыми возможностями. Правовой свободе необходимо учиться, но как раз эта сторона вопроса ускользнула от внимания реформаторов. Скорее, наоборот: земствам, например, упорно запрещали оказывать крестьянам юридическую консультационную поддержку.

После Октябрьской революции позитивные сдвиги, уже намечавшиеся в народном правосознании, быстро сошли на нет. Ощущение "законности бесправия" вновь становится доминирующим. В Конституции РСФСР 1918 г. закрепляется ничем не ограниченная возможность органов государственной власти "в интересах диктатуры пролетариата", по сути, произвольно лишать отдельных лиц и даже отдельные группы любых прав, которые "использовались ими в ущерб интересам социалистической революции" (ст. 23). Во времена военного коммунизма даже мелкий гражданский оборот и соответствующие права оказались свернутыми, но и принятый в эпоху нэпа Гражданский Кодекс (ГК) РСФСР 1922 г. не давал законной защиты гражданским правам, если они осуществлялись "в противоречии с их социально-хозяйственным назначением" (ст. 1), которое могло толковаться сколь угодно широко. Советские годы вернули большинству граждан привычку рассчитывать прежде всего (и даже исключительно) на государственный патернализм (психологически это явление не иначе, как разновидность "стокгольмского синдрома" не истолковать), когда в обмен на лояльность человек получал некоторый набор благ (привилегий, а не прав) хотя бы в пределах гарантированного неполного среднего образования, медицинского обслуживания, рабочего места, пенсий¹.

Либерально-демократические реформы 1990-х гг. провозгласили свободу, восстановили рыночные отношения, но мимоходом обесценили сбережения граждан, породили миллионы честно и много работающих, но фактически нищенствующих граждан. Ясно, откуда взялся "правовой нигилизм" нынешних россиян, их ощущение "законности бесправия", восприятие закрепленных в Конституции прав как некоторой абстракции и неверие в возможность эффективной защиты формально провозглашенных прав. Эти проблемы российского правосознания усугубляются отчасти объясняемой жесткостью экономических реформ, тоской по государственному патернализму. В свое время К. Поппер предупреждал именно об этом, характеризуя переход от закрытого общества, где индивид обретает пресловутое чувство защищенности в обмен на свободу, к обществу открытому, где он получает свободу вместе с ответственностью за самостоятельно принятые решения [Поппер, 1992, с. 248].

Таким образом, наш исторический опыт способствовал формированию серьезного дефекта нашей версии либерализма. Именно ему мы обязаны тем, что в определенных кругах постепенно набирает силу идеология отрицания правовой свободы, активно возрождающая старые мифы о том, что либерализм, права человека и демократия не отвечают национальному характеру и на российской почве нуждаются в корректировке, ограничении или полном устранении из государственно-правовой практики. Все чаще заходит речь о желании россиян вернуться к авторитарной модели власти и вместе с ней вновь обрести потерянное чувство социальной защищенности. Замечу, что именно эти сюжеты чаще всего звучат в разного рода публичных дискуссиях и на страницах газет. Обратная тенденция, свидетельствующая о том, что самые обыкновенные россияне успешно защищают свои права в суде, в том числе в Европейском суде по правам человека, освещается значительно слабее.

---

¹ Поскольку статья посвящена деформациям правосознания, в ней делается акцент именно на тех негативных моментах, которые повлекли за собой соответствующие деформации, и ничего не говорится о положительных моментах в законодательстве, которые, несомненно, присутствовали и в Российской империи, и в СССР.

Знаменательно, что и часть нашей интеллигенции, четко улавливая конъюнктуру, начинает привычно встраиваться в более или менее артикулированную новую, в данном случае антилиберальную, идеологию, порой доводя ее до абсурда. Например, А. Кончаловский пишет: "Если на Западе возникает что-нибудь интеллектуально стоящее, то, скорее всего, это жесткая критика либерализма как "слева", так и "справа"". Далее следуют отчасти справедливые рассуждения о расточительности либеральной экономики и общества потребления. Ошеломляет вывод: русские люди, оказывается, "могут довольствоваться малым, и культивировать в русском человеке стремление к потреблению - одна из сложнейших задач" [Кончаловский, 2006, с. 23].

Автору приведенных слов непонятно, что либерализм не сводится к свободе потребления, и поэтому он задается вопросом: "как строить капитализм в обществе, которое приветствует нищету и для которого успех не важен?". Происходит это, оказывается, потому, что "в России богатство воспринимается как *испытание*", а общество в целом "приветствует нищету". Замечу - даже не бедность. А ведь нищета, как правило, - это следствие безделья и безответственности (если, конечно вести разговор о трудоспособном населении). Приветствующие нищету нищие в России не стеснялись в XIX в. и не стесняются сейчас промышленлять попрошайничеством. Только в XIX в. для перевоспитания "нищих промышленников" создавались рабочие дома, где им давали минимальную профессиональную подготовку. Сейчас же люди с образованием, с ремеслом в руках ищут и часто не могут найти достойно оплачиваемую работу. Но это не важно: ведь, "наш народ дикий, не умеющий создать для себя человеческих условий, погрязший в алкоголизме и апатии - все равно велик своим терпением, своей невероятной душевной силой", а сила эта в том, что "он не уступает напору прогресса ни на йоту!" [Кончаловский, 2006, с. 23].

Такое качество народа исключает возможность использовать в России идею свободы индивида и справедливости, выраженной в праве, как универсальный критерий, который может служить ориентиром при выборе целей государственного строительства. Вот ведь экзистенция какая! Мы, стало быть, живем для того, чтобы "быть" (видимо, нищими), а не "иметь". Прямо по Э. Фромму. Представляется, впрочем, что Фромм, называя иудеев "жертвами собственности", осуждая их за то, что они "стали поклоняться идолам наживы и богатства", и считая именно это рабство египетское самым тяжким [Фромм, 2007, с. 78 - 79], не имел в виду необходимость вовсе отказаться от каких бы то ни было благ цивилизации. Его мысль заключалась в том, что процесс творчества, созидания, познания должен иметь целью не приобретение (знаний, вещей, продуктов творчества), а совершенствование человека, который в ходе такого созидательного бытия не должен забывать Бога.

Тенденция отрицания либеральных ценностей, низведения права до уровня приказа государства тем более опасна, что в эпоху постмодерна даже в западной философии права идеи собственно правового подхода ставятся под сомнение. Новые веяния в европейской философии отмечал еще в 70-х гг. прошлого века Ф. Хайек, когда писал, что идет трансформация права под действием внутренних сил, опасность которой состоит в том, что она может привести к исчезновению права как главной защиты личной свободы, превратить его из системы правил личного поведения в систему правил (функционирования) организации [Хайек, 2006, с. 85]. М. Тэтчер в 1990-х гг. прямо формулирует в числе приоритетных задач британского правительства необходимость "немедленно законодательно ограничить вредоносное воздействие закона о правах человека" [Тэтчер, 2003, с. 312]. Таким образом, мы имеем дело даже не с чисто российским феноменом отрицания ценности правовой свободы, а с явлением, приобретающим глобальный характер.

Философия эта, конечно, не нова. Еще О. Конт полагал, что "в позитивном строе, не допускающем небесных полномочий, идея права безвозвратно исчезает. Каждый имеет свои обязанности..., но никто не имеет права в собственном смысле слова. Единственное право, которым каждый человек обладает, - это право выполнять свой долг" [Конт, 1999, с. 409]. Об этом рассуждали и русские славянофилы: "Не говорите много о праве и

правах и не очень слушайте тех, которые говорят о них; но слушайте охотно тех, которые говорят об обязанности, потому что обязанность есть единственный живой источник права... Знание обязанности связывает сильного, созидавая и освящая права слабых" [Хомяков, 1876, с. 126]. "Если бы человек был один во вселенной, - говорит С. Вейль, - он не имел бы никаких прав, но имел бы обязанности" (цит. по [Борщ, 2005, с. 143]). При всей кажущейся меткости, последнее замечание неверно, поскольку обязанности, как и права, возникают только в общественных отношениях. Говоря о том, что одинокий человек обязан, скажем, трудиться, чтобы жить, мы в равной мере можем говорить и о том, что он в силу этого приобретает право на жизнь, причем оба заявления будут одинаково нелепы.

Евразийство и право

Для России, чей народ действительно был лишен возможности оценить преимущества правовой свободы на протяжении большей части своей истории, вопрос приобретает особую остроту. Многовековой опыт авторитаризма и государственного произвола породил правовой нигилизм, причем в своеобразной форме: в абсолютном большинстве россияне (от нищего до олигарха) ценят свободу, не задумываясь о ее правовой природе, диалектической связи между правом и обязанностью, свободой и ответственностью. Пытаясь воздействовать на правосознание граждан, следует действовать продуманно и аккуратно, чтобы по возможности избежать ошибок, которые частично или полностью сведут на нет все усилия. Конечно, оперируя только достаточно прямолинейными средствами закона, искажений замысла не избежать. Законотворчество порождает своего рода цепную реакцию, в которой каждый шаг нередко порождает непредвиденные последствия, нуждающиеся в корректировке, но одновременно и определяющие то, что можно или нельзя делать далее. Отечественная история богата примерами того, как разумные, на первый взгляд, преобразования не только не улучшали жизнь людей, но оборачивались своей противоположностью.

Впрочем, история и обнадеживает: родившись в русле западной традиции, но волею судеб пережив тяжелые периоды отлучения от этой традиции, Россия все же идентифицирует себя именно с ней. Поэтому "западность" по крупницам собирается в ходе реформ разных лет. И если наше общество, так или иначе, живет сейчас в более или менее рыночной экономике, если части его не чужды идеи местного самоуправления, защиты субъективных прав и личного достоинства и пр., то это означает, что правовой путь развития для нас, в принципе, не заблокирован. Следовательно, вопрос в том, какая парадигма общественного развития возобладает на сей раз. Определенная и недвусмысленная позиция тут необходима как методологическая основа для объективного и обоснованного разъяснения неприемлемости тех концепций развития современной России, которые предлагают исходить из врожденного отрицательного отношения россиян к праву и государству, основанному на принципах права. Поэтому в настоящее время представляется весьма актуальной критика тех типов правопонимания, которые представляют разновидность крайнего легизма и доведенного до логической завершенности отрицания идеи свободы индивидов.

Отрицание прав человека как основополагающей ценности и критерия оценки позитивного права лежит в основе евразийского и неоевразийского правопонимания. Ссылаясь на К. Шмитта, представитель современного российского неоевразийства А. Дугин предлагает рассматривать право всего лишь как один из инструментов политики. Политика же видится Шмитту как явление "укорененное", "почвенное", "*органическое*". Это означает, что ее необходимо увязывать "с конкретикой исторического народа, наделенного особой качественной волей, и с исторической спецификой того или иного общества или государства". Такое понимание политики якобы необходимо России и русскому народу для того, чтобы "адекватно распорядиться своей судьбой и не стать заложником антинациональной, редуционистской идеологии, игнорирующей волю народа, его прошлое, его качественное единство и духовный смысл его исторического пути". В принци-

пе это верно, но никто не отрицает необходимости учитывать специфику той или иной цивилизации при проведении реформ, определении вектора дальнейшего развития. Вопрос только в том, что история любой страны богата самыми противоречивыми событиями, взаимоисключающие политико-правовые формы сменяют одна другую без видимой логики. Следовательно, нет и не может быть однозначной "конкретики исторического народа", и ее понимание неизбежно будет вытекать из общего мировоззрения, системы ценностных установок того или иного человека, задумывающегося о будущем страны, будь то дилетант, ученый или профессиональный политик. Кстати, это признавал и Шмитт, для которого было ясно, что в политическом отношении значение, скажем, ст. 48 Веймарской конституции (ограничение полномочий рейхспрезидента) "меняется в зависимости от того, хотели бы ее использовать в угоду монархическим или демократическим, унитаристским или федералистским тенденциям, и от того, надеются ли оговариваемые в ней широкие властные полномочия использовать в своей собственной политике, или же опасаются, что ими мог бы злоупотребить политический противник" [Шмитт, 2005, с. 270].

Что влечет за собой признание права всего лишь инструментальной ценностью, значимость которой состоит только в том, что оно позволяет индивиду лучше исполнять свой моральный долг, общественные функции и пр.? Подразумевается, что признание самоценности, постановка во главу угла именно прав человека есть решение произвольное, принятое в угоду и под принуждением заинтересованной в этом части общества. Неудивительно, что современным российским неоевразийством оказался активно востребован именно Шмитт, известный своим антилиберализмом (и сотрудничеством с нацистским режимом в Германии), который полагал, что утверждение всех юридических и социальных норм происходит в особой для общественного развития фазе "принятия решений" и изначально основывается на спонтанном и предопределенном одновременно решении.

Как отмечает Хайек, "центральное убеждение Шмитта... состоит в том, что от свойственного либеральной традиции "нормативного" понимания права через постепенный переход к фазе "принятия решений", когда решения по отдельным вопросам принимались законодательными органами, логика развития привела к концепции "формирования конкретного порядка", включающей в себя "новое истолкование идеала номоса как тотальной концепции закона, подразумевающей конкретный порядок и сообщество". Иными словами, "закон должен состоять не из абстрактных правил, ограничивающих пределы действий отдельных людей и тем самым создающих возможность для формирования стихийного порядка в результате их свободной деятельности, а представлять собой инструмент упорядочивания или организации, направляющий индивида на выполнение конкретных задач" [Хайек, 2006, с. 89 - 90].

Следовательно, идеология Шмитта призывается для того, чтобы показать сомнительность утверждения об общечеловеческой значимости прав человека. Как полагает Дугин, в концепциях сторонников "правового государства" игнорируется то обстоятельство, что сама апелляция к необходимости установления "правового государства" есть не более, чем очередное спонтанное и притом произвольное решение, не основанное ни на чем ином, кроме как на политическом волеизъявлении определенной группы. Таким образом, принятие или отрицание "правового государства" и вообще принятие или отрицание той или иной юридической модели должно быть сопоставлено не с волей группы, а с волей того конкретного народа или государства, к которым это предложение или волеизъявление обращены. Противопоставляя волю группы воле народа, противники либеральной идеологии прав человека утверждают, что она игнорирует национальные корни и представляет собой искусственную и атомарную, количественную концепцию "прав личности", которая вытеснила собой органичную концепцию "прав народа", "прав государства" и т.д. [Дугин, 2001].

Вышесказанное, на первый взгляд, не лишено смысла, однако следует иметь в виду, что вопрос о том, как выявить волю народа, кто возьмет на себя роль "говорящего от имени народа", а равным образом, какие процедуры сообщат легитимность такому ре-

шению, все равно остается открытым. Кстати, вопрос был открыт и для Шмитта, который, в частности, по поводу слов рейхсканцлера о том, что "чрезвычайное положение уже в силу своего имени должно оставаться исключением и быть отменено как только это позволят обстоятельства", задавался вопросом о том, "кто же принимает решение о том, что позволяют обстоятельства" [Шмитт, 2005, с. 269]. Конструкция антилибералов, по сути, является апологетикой революции и подразумевает, что такое решение, приписываемое народу, всегда силовое, произвольное, не вписывающееся во все предусмотренные предшествующим периодом развития процедурные схемы. Либерально-демократическая модель тем и хороша, что дает возможность провести некоторые решения, альтернативные существующим, не круша до основания все построенное доселе политико-правовое здание, как это было в октябре 1917 г. Конечно, гибкость такой модели всегда оставляет риски перехода к жесткому тоталитаризму, путь к которому никогда нельзя считать заблокированным раз и навсегда. В этом отношении исторический опыт дает однозначные уроки: парламентский путь прихода к власти национал-социалистов привел к не меньшим бедствиям для Германии, чем революционный захват власти большевиками в России.

Важным основанием учения евразийцев, без сомнения, остается постоянная апелляция к историческому опыту. К сожалению, очевидно, что в некоторых исторических точках бифуркации выбор действительно делался в пользу системы и в ущерб правам личности. Но что это означает? Насколько народ привлекался к принятию соответствующих решений и можно ли окончательно и бесповоротно утверждать, что особые национальные корни и трудный исторический путь, пройденный Россией, блокируют для российского народа путь к праву, отрицают ценность правовой свободы личности? Чего хотели освобожденные от крепостной зависимости российские крестьяне в 1861 г., затеявая бунты? Не возвращения к помещику, а более справедливого раздела земли, которая была для них необходимым источником трудового благосостояния. Почему в начале Октябрьской революции крестьяне поддержали новую власть, а уже в Гражданскую войну их в Белой армии было едва ли не больше, чем в Красной? Не потому ли, что большевикам удалось вовремя использовать идеи эсеров в декрете "О земле", на время возродив в крестьянах надежду на то, что земля будет принадлежать тем, кто ее обрабатывает, а затем разрушить эту надежду, введя продразверстку? Никто из тех, кто хотел работать на земле, не возражал против частной собственности на землю и свободы торговли. О крестьянах здесь говорится так много потому, что до 30-х гг. прошлого века Россия оставалась аграрной страной с преимущественно крестьянским населением. Только те, кто, говоря словами Шмитта, выражали "решение народа", не очень к этому народу прислушивались.

Теперь нередко можно услышать, что идеалом государственности для нас остается Московское царство и (с оговорками) в какой-то мере унаследовавшее принципы его устройства Советское государство. Но ведь Московское царство (в отличие от Советского государства) сохраняло патриархальный характер, там доминировало представление о том, что государство - это вотчина царя, все подданные принадлежали ему, как члены семьи принадлежат патриарху. А слово патриарха - Закон. Он раздает не права, а привилегии. Нам объясняют, что в "обязательном", или "тягловом", государстве, которое исторически сложилось в период Московского царства и было разрушено под напором "чуждых западных интервенций", категория права использовалась "только в прикладном, инструментальном, подчиненном смысле, для структурализации и рационализации тех юридических вопросов, которые удобнее рассматривать с позиции прав" [Дугин, 1998, с. 13 - 14]. Речь, здесь, видимо, идет о том, что право в Московском царстве уступало морально-религиозным средствам социальной регуляции.

Этого никто и не оспаривает. Но приведенная фраза, помимо воли автора, констатирует, что и в Московском царстве были вопросы, которые требовали рассмотрения, не могли не рассматриваться с позиции прав. Даже неудобно повторять здесь азбучную истину о том, что право может работать только как инструмент, регулирующий отношения *равных* субъектов. О таком равенстве нельзя говорить применительно к Москов-

скому царству, где статус подданного действительно определялся значимостью тех обязанностей, которые он нес по отношению к Государю. Однако права-привилегии, дарованные каждому из еще только формирующихся сословий, должны были соблюдаться. Даже Иван Грозный, лишая по своему произволу боярские фамилии их земель и жизни, начинал с ложных обвинений отцов семейств в тяжких государственных преступлениях, то есть фабриковал "законные" основания. Именно поэтому гипотеза Дугина, связанная с тем, что "техническая необходимость обращения к "правам" еще не означает их причастности к общественной онтологии" [Дугин, 1998, с. 13], сомнительна даже применительно к Московскому царству. Кроме того, были же и письма А. Курбского, и приговоры народного ополчения в Смутное время, которые вполне свидетельствуют о том, что понятие права не было уж совсем чуждо общественной онтологии.

Итогом рассуждений о прелестях Московского царства становится вывод: "...имеет смысл, строго говоря, исключить само упоминание о правах из базового определения "евразийской юриспруденции" и говорить только об "обязанностях", что будет являться вполне симметричным западным концепциям "правового государства"" [Дугин, 1998, с. 13 - 14]. Странный вывод, если иметь в виду, что автор внимательно изучил труды Н. Алексеева, в том числе известную концепцию правообязанности, которую тот разрабатывал в эмиграции. Толкуя о правообязанности как о разновидности правоотношений, Алексеев четко проводит идею неразрывности права и обязанности [Алексеев, 1998, с. 155]. Эта же идея не может не лежать в основе правового государства.

Замечу, что во многом разделявший взгляды Алексеева И. Ильин более четко сформулировал юридический смысл правоотношения, поскольку акцентировал еще вопрос о его субъектах. Он полагал, что отношение между людьми можно считать правоотношениями "лишь постольку, поскольку оно есть встреча правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав". Необходимость формальной правосубъектности участника отношения, в отличие от Алексеева, Ильин считал важным условием возникновения правоотношения. Он отмечал, что "люди участвуют в правоотношениях не как простые люди, но как субъекты прав, способные участвовать в таком правоотношении; постольку их слова и дела оказываются юридическими действиями, за которые они отвечают; предмет их претензии становится предметом правового притязания; их обещание создает для них правовое обязательство, а для другого... правовое притязание; их приказ получает также правовое значение и становится властным распоряжением" [Ильин, 1994, с. 96]. Смешение, допущенное Алексеевым, - прямое следствие неразличения морали и права, права и закона. Это означает, что конструкция правообязанности в основе имеет морально-нравственные, а не только правовые начала.

Правообязанность отнесена в типологии Алексеева к **многосторонним** правоотношениям, которые подразумевают, что "правомочия и обязанности своеобразно сочетаются в том и другом входящем в правоотношение лице или лицах". Во всяком случае, этому соответствуют **механические** внешние, которым Алексеев противопоставляет **органические** внутренние сочетания прав и обязанностей. К первому виду относятся механические многосторонние сочетания прав и обязанностей по типу права собственности. Алексеев считает, что *право и отрицательная обязанность* воздерживаться от действий встречаются здесь с таким же правом и обязанностью. Из договоров, обязательств также вытекают *право и положительная обязанность* сторон. Но и здесь связь, как считает Алексеев, "внешняя, механическая" [Алексеев, 1998, с. 156], тогда как наиболее гармоничными являются органические правоотношения.

К органическим Алексеев относит такие правоотношения, где право "пропитывается обязанностью и обязанность правом", то есть возникают правообязанности. Попросту говоря, речь идет о ситуации, когда право одновременно является обязанностью. В качестве примера приводится компетенция, при конструировании которой входящее в правоотношения начало публичности, которое есть в то же время начало общественности, придает праву характер обязанности, превращает его в правообязанность, и, наобо-

рот, входящее в государственные обязанности начало публичности или общественности придает обязанностям характер права.

В некоторых случаях правообязанностям на одной стороне соответствуют односторонние положительные обязанности на другой. Так, идеальный монарх рассматривает свою власть как право и как обязанность. Правообязанностям могут соответствовать односторонние отрицательные обязанности других лиц. Но идеальным случаем Алексеев считает ситуацию, когда правообязанностям с одной стороны соответствуют правообязанности с другой. Это - общественный идеал, где "ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий. Притом правомочия эти они не считали бы "правами", противостоящими другим, враждебным "правам" (как "права" народа правам властвующих - типичное отношение, при котором родилась идея современного избирательного права в Европе), но как истинные "правообязанности", то есть как соединенные с свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти" [Алексеев, 1998, с. 159 - 160]. Во времена Петра I, как известно, такой правообязанностью было даже право на жизнь. Попытка самоубийства наказывалась тогда смертной казнью, поскольку являла собой посягательство на нарушение обязанности перед государством.

Возникает впечатление, что Алексеев здесь то ли лукавит, то ли на самом деле уверен в справедливости ситуации, когда права (свободное усмотрение) даются подданным только лишь для того, чтобы они могли лучше осуществлять свои обязанности по отношению к государству, тогда как у публично-властных субъектов смысл правообязанности противоположный. В этом вопросе гораздо откровеннее оказался Ильин, который честно заявлял, что русским вариантом правового государства должно оставаться самодержавие. Это форма, при которой монарх "знает законные пределы своей власти и не посягает на права, ему присвоенные", а потому самодержец не выше закона, а подчиняется этому закону [Ильин, 1994⁶, с. 478].

Таким образом, правообязанность подданного - это оптимизированная возможность исполнить обязанность, тогда как правообязанность монарха - это обязанность нести бремя своих прав. А. Поляков возводит эту модель, замешенную на идеализации опыта Московского царства, в ранг архетипа российского политического сознания. Он считает, что этот архетип ""завязан" на ценностно-обремененное государство, чья священная миссия выражается в таких кодовых понятиях, как "Святая Русь", "Москва - Третий Рим", "Православное царство", "Отечество"... В силу этих особенностей русского менталитета правовое государство, принципиально отсекающее от себя все возможности служения идее, выходящей за рамки охраны прав человека и гражданина, не может удовлетворить подсознательные экспектации (ожидания) и запросы российского общества" [Поляков, 2001, с. 321 - 322]. Замечу, что никто и не предлагает ограничиваться в социально-политическом регулировании исключительно идеей права. И не совсем ясно, почему правовое государство, в котором потенциальный произвол органов власти ограничен правами граждан, не может выйти за рамки служения одной идее. Подобное заблуждение, равно как и представление о том, что в правовом государстве остается в пренебрежении понятие обязанности гражданина перед обществом, как раз и приводят к тому, что правовое государство, устроенное на либерально-демократических началах, начинает интерпретироваться как вредная утопия, воплощение которой в ее либеральном варианте ведет к вседозволенности и неуправляемости общественных процессов.

Разговор о правовом государстве никак не отрицает иных социальных регуляторов. Для отдельного человека нравственность представляет не меньшую значимость, чем право. Однако в свое время В. Соловьев подчеркивал опасность позиции Л. Толстого и ряда славянофилов, которые склонялись к полному отрицанию ценности права как границы внешней свободы индивида во имя абсолютной ценности свободы внутренней, определяемой даже не нравственностью, а индивидуальной моралью [Валицкий, 1998].

Такая позиция не способствует коммуникации. Именно поэтому "нравственные и религиозные требования не могут быть положены в основу внутригосударственного миропорядка и тем более не могут быть предметом общезначимых договоренностей международного характера" [Лапаева, 2006, с. 17].

Можно ли воспитывать правосознание?

Очевидно, что правовое государство немислимо без относительно развитого правосознания, условно говоря, "веры в право". Само наличие и распространенность правоотрицающей идеологии в нашем обществе свидетельствуют о том, что такой веры у критической массы наших граждан пока нет. Но можно ли целенаправленно влиять на правосознание? Первое, что приходит в голову, это полицейское государство, целью которого должно быть обеспечение соблюдения принципов правовой свободы личности (борьба с терроризмом, проявлениями ксенофобии, религиозной и расовой нетерпимостью; обеспечение соблюдения правового принципа формального равенства в правоприменительной практике; борьба с коррупцией посредством устранения возможности выбора решения у чиновника, и т.п.). Привлекательность полицейского государства и в том, что ему свойственно придание правовой нормативности базовым этическим принципам, что в нашем случае было бы бесполезно.

Но полицейское государство как система, основанная на цели, на систему и работает (это означает, что оно изначально неспособно поднять правосознание индивида). Действительно, "в теориях, основанных на цели, благосостояние, включающее свободное развитие любого конкретного индивида, имеет значение лишь в той мере, в какой оно способствует некоторому состоянию дел, объявленному благом, и здесь не важно, выберет ли сам индивид такое состояние дел" [Дворкин, 2004, с. 237 - 238]. Нельзя допустить, чтобы даже, на первый взгляд, весьма соблазнительный и активно приветствуемый частью нашего общества путь усиления патернализма по типу полицейской государственности был полностью воспринят в современном государственном строительстве, поскольку он вновь на десятилетия отсрочит процесс "взросления" нации, вызревание в ней готовности существовать по типу ответственного в своей правовой свободе гражданина.

Весьма наивно предполагать и то, что правовое просвещение и "моральное" законодательство сами по себе могут формировать и корректировать правосознание. Главным фактором остается, конечно, правоприменительная практика по принципу формального равенства, когда все равны перед законом независимо от служебного статуса и экономического благосостояния. Правовое воспитание включает и комплекс всевозможных средств, направленных на повышение правовой грамотности населения. Об этом писалось достаточно много, поэтому ограничусь упоминанием о так называемых юридических клиниках, которые с трудом распространяются последние десять лет в системе высшего юридического образования России. Студенты под руководством преподавателей получают опыт юридического консультирования населения. Причем консультации бесплатные, так что основная целевая группа - социально незащищенное население, неспособное оплатить адвокату подготовку судебного дела. Думается, что при всей простоте идеи, вполне вписывающейся в известную теорию "малых дел", такие клиники заслуживают всяческой поддержки, поскольку позволяют преодолеть пресловутое незнание права и неверие в возможность его эффективной защиты. Примерно такую же роль могут сыграть и существующие кое-где бизнес-инкубаторы.

Представляется принципиально важной мысль Р. Дворкина о необходимости расставлять приоритеты, жертвовать какими-то факторами в пользу выбранного. Так, если в основу общественного развития положена теория, основанная на праве, то практика должна будет исходить из предположения, что "индивидуальные права необходимо соблюдать, пусть даже ценой некоторого ущерба для общего благосостояния". Иначе "нет смысла похвастаться тем, что у нас уважаются права личности, если мы ради них ничем не жертвуем, а в данном случае жертва должна состоять в том, чтобы отказаться от не-

значительных благ, которые последуют для страны, если не принимать во внимание эти права, когда они оказываются неудобными. Таким образом, общее благо не может служить весомым основанием для ущемления прав, даже если благо, о котором идет речь, - это возросшее уважение к закону" [Дворкин, 2004, с. 239, 264]. С подобной формулировкой трудно не согласиться.

Но нам, похоже, все же придется отказаться от жесткого либерализма, искать средний путь между правом и общим благом, пытаясь воспитать в народе доверие к праву и потребность в нем как неотъемлемом элементе общего блага. Этот путь пытались нащупать в течение последних десятилетий, с ошибками, влекущими за собой серьезные социально-экономические деформации. Неплохо было бы учесть опыт Крестьянской реформы 1861 г., в результате которой неоправданные и неоправдавшиеся ожидания крестьян сделали их легкой добычей радикалов. Поэтому представляется актуальным, хотя и несколько запоздавшим, начатый в последние годы разговор о социальной ответственности бизнеса в России. Необходимо исправлять и те дефекты рыночных реформ, в результате которых "отпустили" цены на все товары, кроме труда.

Если Россия действительно европейская держава, она должна "выстрадать" свою свободу до конца. Это, как правильно отмечает А. Оболонский, дело не быстрое, и оно исторически не совпадает с продолжительностью человеческой жизни. Навыки свободы - наличие устойчивых навыков самоуправления, сознание социальной и персональной ответственности за решение вопросов обустройства своей жизни, и в частности за выбор тех или иных должностных лиц, то есть вручение им на определенных условиях мандата на решение общих дел. "Право есть непрерывная работа, притом не одной только власти, но всего народа. Вся жизнь права, взятая в ее целом, являет перед нами такое зрелище неустанного напряжения и труда со стороны всей нации, какое представляет деятельность последней в области экономического и духовного производства. Всякое отдельное лицо, которому приходит нужда отстаивать свое право, имеет свою долю участия в этой национальной работе, по мере своих сил способствует осуществлению идеи права" [Иеринг, 1999, с. 442]. К сожалению, "без этого свобода может быть незаметно утрачена или даже добровольно передана какой-либо автократической модели власти в ее подновленной версии, что во многом сейчас и происходит" [Оболонский, 2006, с. 45]. Но если попытаться вновь "закрутить гайки" и вернуть народ в лоно государственного патернализма, то следующей попытке построить в стране либеральную демократию для всех страна может и не пережить.

Сейчас модно отрицать взгляды "прогрессистов" - как либерально-капиталистического, так и марксистско-социалистического толка. Но представляется более адекватным мнение И. Покровского, который полагал, что прогресс общества возможен и выражается "в прогрессе отдельных личностей", то есть "непрерывное развитие индивидуальности составляет его необходимое предположение: только в богатстве индивидуальных особенностей и в их взаимодействии заключается истинное культурное богатство народа" [Покровский, 2006]. С юридической точки зрения такой прогресс означает постепенное распространение правовой свободы по принципу формального равенства на все сферы общественной жизни. Хочется верить, что Россия стоит на пороге осознания именно этого пути. Другого у нас нет, если мы хотим оставаться великой державой с исполненными не только *национального*, но и *собственного* достоинства гражданами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998.

Борщ И. В. Философия права Н. Н. Алексеева. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2005.

Валицкий А. Владимир Соловьев: религиозная философия и возникновение "нового либерализма" // Символ. 1998. N 39.

Горький М. О русском крестьянстве // Русская жизнь. 2007, 8 июня.

Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.

Дугин А. Предисловие // *Н. Алексеев.* Русский народ и государство. М., 1998.

Дугин А. Русская вещь // Карл Шмитт: пять уроков для России. М., 2001.

- Иеринг Р.* Борьба за право // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М., 1999.
- Ильин И. Л.* Общее учение о праве и государстве // *И. А. Ильин.* Собр. соч. Т. 4. М., 1994^а.
- Ильин И. Л.* Кто мы? // *И. Л. Ильин.* Собр. соч. Т. 3. М., 1994^б.
- Конт О.* Общий обзор позитивизма // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. М., 1999.
- Кончаловский А.* Верить или размышлять. Заметки о русской политической культуре // Московские новости. 2006. N 25.
- Лапаева В. В.* Формирование доктрины защиты прав личности как актуальная задача теории права // Российское правосудие. 2006. N 4.
- Оболонский А. В.* Мораль и право в политике и управлении. М., 2006.
- Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права // КонсультантПлюс. Классика российской цивилистики. М., 2006. Компакт-диск.
- Поляков А. В.* Общая теория права. СПб., 2001.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
- Тэтчер М.* Искусство управления государством. М., 2003.
- Фромм Э.* "Иметь" или "быть". М., 2007.
- Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М., 2006.
- Хомяков А. С.* К сербам // Русский архив. Кн. 3. М., 1876.
- Шмитт К.* Диктатура. СПб., 2005.